

Илья Муромец в опале

Подарил-то-де солнышко Владимир-князь
Как тому же Илье да стару казаку,
А дарил ему шубейку о петьсот рублей,
Говорил-ту-де тут да нынче стар казак:
«А не мне были подароцьки направлены,
А направлены Дунаю сыну Ивановичу,
А мне, видно-де, нынче да пригодились».
Уж услышали тут думныя бояра нынь,
Они писали ерлыки да скоры грамоты,
Доносили князю они Владимиру:
«А обхулил твои да стар подароцьки,
Говорил будто стар казак Илья Муромець:
„Уж я цё, думаю, мне князь дарить станёт,
Он и шубку дарит мне, будто у мя шубок нет“».
Тут призвал нынь солнышко Владимир-князь
Как тово же ведь нынь да стара казака,
Кабы тут-де-ка стар да на опор пошел,
Кабы думных бояр да приказал притти,
Они сложились троима да все ответили:
«Говорил-то-де это еще стар казак,
Он вполне говорил, да все мы слышали».
Говорит-то тут стар казак Илья Муромець:
«Говорил же то я, да не совсем же так,
Они ложно доносят показанье-то,
Они с клятвой на старá да пригибают же.
Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Говорил-то ведь я да промежу собой:
А не мне были подароцьки направлены,
А направлены Дунаю сыну Иванову,
Уже мне, молодцу, видно, пригодились».
Нечему тут Владимир-князь не варуёт:
«После дела-то ведь всяк же отпираетца».
Он позволил ископать нынче глубок погреб,
Засадил-ту-де стара нынче казака.
Тут ведь нынче богатыри прогневилися,

Говорят тут вси руськии богатыри:
«Засадишь ты нынь нашего предводителя,
Мы уж все нынь розойдёмся и розъедемся,
У тя пусто станет стоеть стольно Киев-град».
Говорит-ту ему тут молода жона,
Кабы та же княгина да мать Апраксия:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
На кого же ты ведь нынь да понадеешьсе?
У тя думны бояра да, знать, изменщики, —
Когда не будёт у тя надежды великой,
Они тогды же пуще изменят же».
Нечему же тут князь ныньце не варуёт.
Тут и выскоцил стар казак Илья Муромець,
Побежал он по городу по Киеву,
Забегал же нынь он на царев кабак,
Он и выпнул там двери все подвальния,
Он тут выкатил три боцьки сороковоцьки,
Да крычал-де старой да зычным голосом:
«Ох вы ой еси, да руськии богатыри!
Уж вы вси же хресьяна да православныи!
Уж вы вси-де нынь голи да кабацкии!
Вы тащите-ткось мни меру да своеруцьную,
Своеруцьную меру, да поварёноцькой,
Уж вы пейте вина да сколько хоцте,
Поминайте меня, да добра молодца».
Тут не крик ле стоит, да как не стон стонёт —
Спровожают тут удала добра молодца.
Говорит-то-де тут да ныньце стар казак:
«Уж я мог бы-де не сесь ныньце в глубок погреб,
Уж я мог бы победить да ныньце весь город —
Повинуюся закону да государеву:
Я сидел преж без ног да ровно тридцеть лет,
Нынь опять, видно, мне да бывает Бог судил».
Засадил тут удала добра молодца,
Как захлупили плитой его железной же,
Загребли его матушкой сырой землёй.
Тут и вси же народ да разъезжаютсе,
Разъезжаютсе вони, да розбегаютсе.
Уж розъехались вси руськи нынь богатыри,

Они прогневались на князя на Владимира,
Да на думных-то бояр да толстобрюхийх.
Как-то нынцѣ княгина да роздумалась,
А роздумала в уми да промежу собой,
Ископала она нынцѣ тайной подкоп
Как к тому же ле к старому казаку,
А снесла она ему нынцѣ ременщат стул,
А снесла она свечи да воску ярова,
Да снесла она книги старопечатныи,
Забавлялся штобы да нынцѣ стар казак,
Штобы с великой тоски смерть не случилосе;
А кормила-поила его тридцать лет.
Уж прошло нынцѣ поры да это времени,
Миновало промеж тем ищѣ тридцетъ лет,
Тут сажидись нынъ бояра толстобрюхие
Как за ти же за столы да за дубовыи,
Они писали ерлыки, да скору грамотку,
Посылали вси по дальниим сторонушкам,
Посылали они Ковшѣю Безсмѣртному:
«Нынъ уж вси разошлись руськи богатыри,
Как пустой стоит у нас стольно Киев-град,
Он пустой стоит да нынцѣ тридцетъ лет».
Скоро скажется исторья, долго деитсе.
Как приехал Ковшей да во чисто полѣ,
Нагонил нынъ силушки премножество:
Попередито его да сорок тысяцей,
По праву его, собаки, да сорок тысяцей,
По леву руку, собаки, да сорок тысяцей,
Позади его да числа-смету нет.
Он писал ерлыки да скору грамоту,
Выбирал он тотарина, какой лучше всех,
Отсылал с им ерлык, да скору грамоту.
Да цитат-де князь Владимир скору грамоту,
Говорит он своей да молодой жоны,
Как своей он супруге да обручальноѣй:
«Ох ты ой есь, княгина да мать Апраксия!
Ты позволь мне придумать думу крепкую:
Кабы просит Ковшей у меня поединщиков,
А кого же нам послать будѣт поединщиком?»

Говорит-то его да молода жона:

«На кого же ты надею преж оставалса же?

У тя есь думны бояра, да при сибѣ живут,

Ты поди-тко има нынь заменейся же».

Говорит-то тут князь да таковы реци:

«Ты не дельнѣ мине да говоришь нынѣце,

Ах ты ой есь, Опросинья да дочь Семеновна!

Молодая княгина да обручалья,

Ты ведь востра баба, да всё догадлива,

Та скажи-тко, скажи мне, пожалуста, —

Да кого же нам послать нам поединщиком?»

Говорит тут княгина да мать Опраксия:

«Мне ночесь што-то мало спалось — много виделось:

Будто жив в погребу да сидит стар казак».

Говорит тут-де солнышко Владимир-князь:

«Кабы была при сибѣ да сабля вострая,

Я срубил бы у тебя буйну голову:

Уж прошло нынѣце время ровно триццеть лет,

Уж какой нынѣце этам живой нынѣце стар казак?»

Говорит-ту княгина да мать Апраксия:

«Я не знаю, к чему да сѣдни виделось,

Будто жив сидит в погребу будто стар казак».

Говорит-то-де солнышко Владимир-князь:

«Как ты преж будто дельнѣ што ле баяла,

А уж нынѣце сочиняшь таку безделичу:

Уж и много продолжалось да поры-времени,

Уж прошло-де топере ровно тридцеть лет,

А какой уж нынѣце живой да есь стар казак?»

Говорит ему княгина да мать Апраксия:

«Мне ведь зря-то нынѣце сон вного не видитсе,

Што приснитсе мне ночью, то и сбыдетсе.

Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!

Ты некого не посылай, некому не приказывай,

Уж ныне ведь народ да всё неверной здесь,

Ты изволь посмотреть, сходить в глубок погреб,

Он и взабыл не живой ле в погребу сидит».

Как на то-де нынь князь да не ётслушалса,

Он надёрнул сапожки да на босу ногу,

Он и кунею-де шубу да на одно плецѣ,

Свой пухов-де колпак да на одно ухо,
Побежал-ту-де князь да скоро-на́скоро,
Ухватил он лопатоцьку жалезную,
Он раскидывал пески да всё макарьевски,
Отопружил он плиту да все железную.
Уж и жив-то сидит да нынче стар казак,
Он и зрит ле, гледит да нынь в гумажной лис,
Перемётыват листики ербовыя.
Закрычал-то тут-де солнышко Владимир-князь:
«Уж и звыше ума цюдо состоялосье!»
Заревел тут и солнышко Владимир-князь:
«Ты изволь-ко, Илья да ище Муромець,
Ты и вытти нынче к нам на белой свет,
Ты уж больнё большой да строк нынь высидел!»
А сидит-ту старой да не огленетсе.
Побежал тут назад домой Владимир-князь,
Он рассказывает своёй да молодой жоны:
«Уж и з́боль же не здря да сон привиделса,
Ищэ жив-де сидит да у нас стар казак.
Уж ты ой есь, княгина мать Апраксия!
Ты скатайся-тко, сходи, да ты сама позови».
Побежала тут княгина да мать Апраксия,
Уж как кликнула княгина да во первой закон:
«Поизыть-ко, пожалуй, доброй молодец,
Разгони-тко-сь ты кручину да с ретива сердца,
Ты не ради князя да ты Владимира,
Уж ты ради веры да ты Христовой,
Послужи-тко же ты да верой правой!»
Кабы тут-де старой да нынь выскакивал,
Бутто белой тут куропать выпархивал;
Он ступил по земли да нынче три ступья,
А услышал его да нынче доброй конь —
Он и сорвал все цепи да нынь железныи,
Он розорвал все пуинки шелковыи,
Закрычал-де ведь, заржал да зычным голосом,
Прибежал он к Илье да к стару казаку.
Как Илья-то-де плачёт, конь не поддавайтсе,
Уж как ровно-де пули, слезы катятсе.
Говорит-то-де тут да нынче стар казак:

«Уж ты здравствуй-ко, княгина да мать Апраксия!

Уж жива ле моя сбруня да лошадиная,

Уж жива ле моя приправа да богатырьская?..»

(Тут слуги принесли все, что нужно.)

Ухватил-ту-де стар казак Илья Муромець

Кабы ту же нынь палицу буёвую,

Он свиснул эту палицу, доброй молодець,

Улетела эта палица подверх из виду,

Уж и пала она на матушку сыру землю.

Подрожала ныньце матушка сыра земля —

Уж уцюли нынь все руськии богатыри:

«Ищэ есь ныньце в Киеви сильнёй богатырь,

Подават ныньце знак нам, добрым молодцам».

(Поехал Илья Муромец в поле драться с Ковшеем, княгина ему и говорит, извиняется:)

«Уж ты ой есь, слуга наш да стар казак!

Извини ты, пожалуй, да не прогневайся,

Как пособит вам Бог да царь небесной свет

Состоит как сохранно стольнё Киев-град,

Вы обратно опеть, да не гостите тут».

Илья Муромец встретился с другими богатырями в поле и побил Ковшея Бессмёртнаго. Стали после

этого богатыри думать — куда ныньце ехати? А княгина это увидела, прилетела *(т. е. прибежала)* сама

за богатырьми и закланялась, зазвала их в Киев. Богатыри посоветовали между собой и опять поехали

к князю Владимиру; тут они и стали снова жить.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Чуркина (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. — от Чуркиной Федосьи Емельяновны, 55 лет. (уроженки д. Аврамовской на р. Пижме).)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.